

В.А. Жуковский

**Материалы для изучения
персидских наречий**

**Часть 1. Диалекты полосы города
Кашана: вонишун, кохруд, кешэ,
зэфрэ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Ж86

Ж86 **Жуковский В.А.**
Материалы для изучения персидских наречий: Часть 1. Диалекты полосы города Кашана:
вонишун, кохруд, кешэ, зэфрэ / В.А. Жуковский – М.: Книга по Требованию, 2024. –
273 с.

ISBN 978-5-518-06501-7

ISBN 978-5-518-06501-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

для объединенія которыхъ въ одну семью, подъ однимъ общимъ наименованіемъ недостаточно одного распространенія нарѣчій въ близлежащихъ мѣстностяхъ, нужно брать въ разсчетъ суть діалекта — фонетику, морфологію, лексический материалъ и его общепонятность. Такимъ образомъ, можно сказать «нарѣчіе мазандеранское», если доказано, что оно принято во всей этой области, если отдельныя части ея не имѣютъ такой разницы въ языкѣ, которая мѣшала бы соседямъ, живущимъ, положимъ, на разстояніи десяти верстъ, понимать другъ друга; можно также мириться съ названіемъ «курдскій языкъ», такъ какъ это языкъ извѣстной этнографической единицы, но будетъ большой ошибкой въ настоящее время сказать «языкъ Хорасана, Ирака, Фарса» и т. д., потому что здѣсь, что ни шагъ, то діалектъ съ довольно рѣзкими, характерными особенностями. Поэтому за каждымъ діалектомъ нужно оставить его собственное, самое тѣсное названіе по мѣсту, и, приводя его въ связь болѣе или менѣе отдаленную съ его первоисточникомъ — старо- или среднеперсидскимъ языккомъ, въ качествѣ общаго названія довольноствоваться словомъ «персидскій». Короче, въ діалектическихъ работахъ, касающихся современной Персіи, желательно детальное изученіе и самая точная терминология.

Междудѣмъ это часто упускается изъ вида въ весьма почтенныхъ трудахъ, почему получается удивительное недоразумѣніе. Читая напр. у Justi¹⁾: «*apr. (neopersisch) وَلَجْ sprich, اتْ وَلَجْ Wort*», можно подумать, что ни одинъ изъ авторовъ, писавшихъ на *новоперсидскомъ* яз., начиная съ Фирдоуси, не знаетъ формъ *گفت* и *گفت*, а пишетъ именно *وَلَجْ*, *اتْ* и *وَلَجْ*. Если въ данномъ случаѣ терминъ *apr.* понимать, какъ разговорный яз. простонародья, то и тогда будетъ неточность, потому что *وَلَجْ* говорятъ далеко не вездѣ, и есть не мало мѣстностей, где говорятъ именно по *новоперсидски* *گفت*.

Слишкомъ обобщаетъ термины и Houtum-Schindler: такъ онъ подъ общее наименование «курдскій» соединяетъ слова изъ нарѣчій Гилянского, Мазандеранского, нарѣчія города Семнана, деревни Соу въ своихъ «*Beiträge zum kurdischen Wortschatze*» (ZDMG. XXXVIII, 43—116²⁾). На какомъ основаніи?

Говоря тамъ же (45) о діалектѣ деревни Соу, онъ замѣчаетъ, что имъ пользуются деревни, лежащія въ окрестностяхъ Соу; тогда какъ находящійся отъ нея въ 30 верстахъ Кохрудъ не понимаетъ этого нарѣчія, въ чёмъ можно убѣдиться, сличая слова и формы, приводимыя Schindler'омъ, съ тѣми, которыя находимъ въ кохрудскомъ діалектѣ. Такое же неточное обобщеніе, основанное, вѣроятно, на показаніяхъ мѣстныхъ жителей, находимъ мы въ статьѣ того же автора, посвященной семнанскому діалекту: «*Bericht über den Ssemnâischen Dialect*»

1) Ueber die Mundart von Jezd, ZDMG. XXXV, 404.

2) Продолженіе ихъ «*Weitere Beiträge zum kurdischen Wortschatze*» помѣщено въ ZDMG. XLII, 73—79.

(ZDMG. XXXII, 535 — 541). Этимъ діалектомъ *семнанскимъ*, по его словамъ, говорять въ маленькихъ деревняхъ около Семнана (кромѣ тѣхъ, которыя перечислены въ статьѣ). Американскій миссіонеръ James Basset, давшій «Grammatical Note on the *Simnuni* Dialect of the Persian Language» (JRAS. XVI, 120 — 139), также утверждаетъ, что діалектъ этотъ принять «всѣмъ населеніемъ Семнана и многихъ деревень на 5 фарсаховъ въ окружности». Между тѣмъ я могу на основаніи собранныхъ мною свѣдѣній засвидѣтельствовать, что напр. деревни Сенгисэръ (въ 3-хъ фарсахахъ отъ Семнана) и Шемерзбъ (въ 4-хъ ф.) не понимаютъ другъ друга, какъ не понимаютъ языка Лазгирдъ, Сурхедъ и другихъ мѣстечекъ, образцы котораго сообщаютъ Schindler и Basset.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что малѣйшая неточность къ терминологіи и легкое обобщеніе можетъ только затемнять дѣло и вести къ недоразумѣніямъ, которыя, само собою разумѣются, значительно увеличиваются, когда вводится терминъ слишкомъ широкій и притомъ шаткій, не имѣющій солиднаго основанія, какъ напр. «мусульманскій пехлеви» — *pehlevi musulman* — или «современный мидійскій языкъ» Clément Huart'a, которымъ онъ называетъ всѣ существующіе діалекты Персіи, — Курдскій, Мазандеранскій, Семнанскій, Гебрскій и др.

Можно быть смѣло увѣреннымъ, что теорія эта не найдетъ себѣ послѣдователей, какъ намекнула уже редакція *Journal Asiatique*, возлагая всю ответственность на ея автора, при печатаніи *Les quatrains de Bâbâ Tâhir Uryân, en pehlevi musulman* (VI, 502 — 545).

Становится совершенно непонятнымъ, зачѣмъ названному ученому понадобилось возвращаться къ термину, сбивчивость и неточность котораго была уже доказана учеными, замѣнившими его словомъ «среднеиранскій»¹⁾, «среднеперсидскій»²⁾, каковая замѣна и начинаетъ прививаться³⁾; непонятно тѣмъ болѣе, что самъ же Huart считаетъ «отсутствие строго научной терминологіи однимъ изъ препятствій, которыя въ теченіи долгаго времени затрудняли серьезнымъ образомъ иранскія розысканія» и высоко ставить заслуги Darmesteter'a въ дѣлѣ классификаціи персидскихъ языковъ⁴⁾.

Huart вводить терминъ «мусульманскій пехлеви» для діалектовъ Рея, Гиляна, Мазандерана и другихъ прикаспійскихъ провинцій и вообще центральной иллоской возвышенности современной Персіи, потому, будто, что такое опредѣленіе удержалось на востокѣ въ теченіи вѣковъ вообще для означенія всѣхъ этихъ областныхъ нарѣчій⁵⁾. Къ сожалѣнію, авторомъ не указанъ источникъ, откуда

1) J. Olshausen. Zur Würdigung der Pahlavi-glossare etc.: Zeitschr. für vergl. Sprachf. VI, 521—569.

2) Между другими и Darmesteter, Études iraniennes, I, 36, 41, 42.

3) C. Salemann, Mittelpersische Studien, Mél. As. IX, 208.

4) Note sur le prétendu Dérî des Parsis de Yezd, Journ. As. XI, 298 и сл.

5) Les quatrains ... 569.

почерпнуто это извѣстіе, такъ что оно кажется немного голословнымъ; мнѣ на мѣстѣ ни разу не приходилось слышать, чтобы Курдъ, Бахтияръ, Гебръ и т. д. называли свой діалектъ пехлевійскимъ.

Huart удержалъ название «пехлевійскій» въ подражаніи мусульманскимъ писателямъ, которые «изъ пехлевійскаго дѣлаютъ языкъ Мидіи, между тѣмъ какъ языкъ персидскій есть языкъ собственно Персіи» (*ibid.* 504).

Едва ли можно у мусульманскихъ писателей встрѣтить на этотъ счетъ тождество показаний: если одни (съ Ибн-ал-Мокаддѣмъ во главѣ) пехлевійскимъ называютъ языкъ Рея, Исфагана, Гамадана, Нехавенда и Азърбайджана, то у другихъ (Истахри¹⁾, Ибнъ-Хаукаль²⁾) пехлеви — языкъ староперсидской литературы вообще; персидскіе лексикологи также даютъ слову پهلوی самое различное толкованіе. Лучшимъ доказательствомъ, что терминъ «пехлеви» и у восточныхъ авторовъ условный, и не служить для обозначенія діалектовъ иранскаго нагорья, служить то, что вызвавшій всю теорію о *pehlevi musulman* языкъ Баба Тахира, изданного Huart'омъ по мусульманскому писателю — Люфтъ-Али-Бекъ (Атешкедѣ), этимъ самимъ писателемъ называется просто زبان راجی — «рейскій языкъ», а не пехлевійскій³⁾.

Наконецъ Huart вводить свой новый терминъ для того, чтобы не смѣшивать современныхъ діалектовъ со старымъ пехлеви (*ibid.* 502). Такъ какъ никто никогда ни одного изъ существующихъ персидскихъ діалектовъ не называлъ просто пехлевійскимъ, то выражать опасеніе за какое бы то ни было смѣшеніе неѣть достаточнаго основанія. Затѣмъ, если мы со словомъ «пехлеви» (= яз. среднеперсидскій) соединяемъ извѣстное уже и точное представление о языкѣ, то можемъ ли мы, за оставленіемъ всякихъ другихъ соображеній, достичнуть того же при терминѣ «мусульманскій пехлеви» Huart'a, когда Курдъ не понимаетъ Мазандеранца, послѣдній Гебра и т. д., когда персидскіе діалекты, — остатки старого языка —, сохранились и развивались при разныхъ условіяхъ и въ разное время (очень давно) достигли разнообразія? Пойметъ ли кто-либо, каковъ языкъ Баба Тахира, если сказать, что онъ писалъ на «мусульманскомъ пехлеви»⁴⁾?

1) Издание de Goeje, 1^м в.

2) Издание de Goeje, 2^о в.

3) Ср. Blochmann, A treatise on the Rubá'i entitled *Risálah i taránah* by Aghá Ahmed 'Alí. Calcutta 1867, p. 11 и 11.

4) Оставляя совершенно въ сторонѣ умѣстность термина Huart'a, не могу не замѣтить, что самое изданіе текста Четверостишій Баба Тахира, предпринятое съ филологическимъ цѣлью, скѣлано вѣсколько поспѣшно и безъ надлежащей осторожности. Баба Тахиръ, если можно такъ выразиться, діалектический поэтъ Персіи. Мазандеранецъ (Dörg, Beiträge zur Kenntniss der iranischen Sprachen II, 2 Lief. (неиздано), стр. 8), Курдъ (A. Chodzko, Études philologiques sur la langue kurde, Journ. As. 5 IX, 355), Бахтияръ, Седеецъ и др. (по моимъ наблюденіямъ) считаются его своимъ национальнымъ поэтомъ, причемъ каждый, конечно, читаетъ его по своему. Онъ кромѣ того народный и любимый поэтъ обыкновенныхъ Персовъ, и въ первоначальныхъ школахъ

Въ силу всего сказанного, я считаю единственно возможнымъ и правильнымъ за нарѣчіемъ каждой деревни оставить ея название, а сводя отдельные діалекты въ извѣстные группы, руководствовался помимо общихъ морфологическихъ соображеній, такъ сказать, второстепенными характерными чертами, появление которыхъ именно полосами казалось мнѣ не лишеннымъ интереса. Я замѣтилъ, что въ однихъ нарѣчіяхъ, при совершенно одинаковой конструкціи глагола, неоконченность дѣйствія выражается частицею, не имѣющею ничего общаго съ персидск. *م*, при чемъ она ставится передъ глагольной основой, въ другихъ также частица стоитъ послѣ личныхъ окончаній, въ третьихъ — она приближается къ персидской приставкѣ и представляетъ ея видоизмѣненія. Подобно этому замѣчалась разница въ лексическомъ составѣ діалектовъ.

Такимъ образомъ діалекты, материалы которыхъ собраны мною, я разбилъ на четыре группы (полосы идуть съ сѣвера на югъ):

I. **Діалекты города Семнана.** Деревни Сенгісѣр и Шемерзбд. (Морфологія и лексический составъ приближаются къ діалекту мазандеранскому).

II. **Діалекты полосы города Кашана.** (Предметъ настоящаго труда).

III. **Діалекты полосы города Исфагана.** Деревни Газ, Седѣ, Кафрбн.

IV. **Діалекты полосы города Шираза.** Деревни Сівѣнд и Абду.

Предпринявъ вслѣдствіе чисто вѣнчихъ причинъ пока издание материаловъ, относящихся лишь до второй группы діалектовъ, я считаю удобнымъ остановиться въ подробностяхъ только на этихъ нарѣчіяхъ, предоставляемъ себѣ представить свѣдѣнія (общія) о другихъ при самомъ издании материаловъ.

Діалектъ деревни Вонішунъ былъ изученъ мною въ Ширазѣ при помощи солдата, лѣтъ 25 — 30 отъ рода, вонишунскаго уроженца, который отличался совершенно яснымъ, отчетливымъ произношеніемъ и въ полости рта, носа и горлани никакихъ недостатковъ не имѣлъ. По его словамъ, деревня Вонишунъ лежитъ между Гульнайганомъ и Хунсаромъ, въ разстояніи двухъ фарсаховъ отъ послѣдняго, и состоитъ приблизительно изъ 500 семействъ. Вмѣстѣ съ двумя близлежащими деревнями, говорящими на томъ же діалектѣ, Тіцбн и Куцбн¹), она извѣстна подъ однимъ общимъ именемъ Седѣ і Обруда. Въ Хунсарѣ діалектъ этотъ не употребляется; тѣмъ большій интересъ приобрѣтаетъ сообщеніе Brugsch'a (*ibid.* II, 32), которому хунсарскій наѣбъ, «ein sehr freundlicher Mann, erzählt allerlei von seinem Orte, dem er ein hohes Alter

при каллиграфіи для упражненій нерѣдко даются четверостишия Баба Тахира, поэта его и пѣвцы (طرب). Благодаря этому, новѣйшие списки четверостиший въ большое количество ихъ литографій (персидскихъ и индійскихъ) съ массою вариантовъ не отвѣчаютъ требованиямъ филологіи: нужно отыскать древайшій, если не современный списокъ Баба Тахира, или же составить текстъ путемъ самого тщательнаго сравненія возможно большаго количества списковъ.

1) Ср. Чириковъ, Путевой журналъ (З. Кав. Отд. И. Р. Г. О. IX), 154. Brugsch, Reise der K. Preussischen Gesandtschaft nach Persien, II, 29, 30, где деревни названы Tidschu и Kutgau.

und eine besondere Abstammung vindicirte, die am schlagendsten durch den in Khonsâr allein gespochenen eigenthümlichen Dialect bewiesen würde».

Дialectъ деревни Кохруд — **فهروود** — по мѣстному **Бохрѣ** — былъ изученъ мною во время продолжительного пребыванія въ Исфаганѣ, причемъ помощниками мнѣ скучили нѣсколько лицъ (4), съ которыми я работалъ въ разное время, иногда послѣ долгихъ промежутковъ, провѣряя записанное ранѣе. Этими объясняются варианты въ текстахъ и въ произношениіи различныхъ словъ.

Деревня Кохрудъ¹⁾ — 300 — 400 семействъ — лежитъ въ 5 — 6 фарсахахъ отъ Кашана по караванной и почтовой дорогѣ въ Исфаганъ въ горахъ того же имени. Почти все мужское населеніе занимается извознымъ промысломъ (**جارودارى**), — караваны Кохрудцевъ ходятъ по всей Персіи, но главнымъ образомъ между Тегераномъ и Исфаганомъ. Я проѣхалъ два раза черезъ Кохрудъ, въ Сентябрѣ 1884 г., направляясь въ Исфаганъ, и въ Іюлѣ 1886 г., на обратномъ пути въ Россію.

Дialectомъ деревни Кеше я занимался въ Исфаганѣ, при помощи одного старика, мелочного торговца греками орѣхами, съ которымъ все записанное было вторично проѣлено послѣ годового промежутка. У старика не было никакихъ недостатковъ, кроме отсутствія нѣсколькихъ переднихъ зубовъ.

По его показаніямъ Кеше, состоящая изъ 200 домовъ, находится въ 14 фарсахахъ отъ Исфагана въ горахъ Натанза; въ нее отъ Исфагана ведутъ двѣ дороги: первая (ближняя) на 1) Даулетабадъ, 2) Ӯимметабадъ, 3) Гілукүнѣ и 4) Кеше и вторая (немного дальше) на 1) Шанрабадъ или Сарданай, 2) Думбі, 3) Сін, 4) Раббті-Султун и 5) Кеше.

Наконецъ dialectъ деревни Зефрѣ я изучилъ въ Исфаганѣ при содѣйствіи молодаго, лѣтъ 25, привратника въ каравансераѣ. Материалы послѣ записи проѣлены не были.

Зефрѣ, принадлежащая къ волости Купа²⁾ (по дорогѣ изъ Исфагана въ Ездѣ), отъ Исфагана къ с. в. отстоитъ на 13 фарсаховъ, по дорогѣ 1) Имамзадэ Хассе (1 ф.), 2) Вертун (8 ф.), 3) Зефрѣ (4 ф.); отъ Купа лежитъ въ 5 фарсахахъ и отъ Ардестана — въ 10 ф. Деревня крайне бѣдная, расположена у подножія горъ, носящихъ у мѣстныхъ жителей название Лагалатъ, съ вершиною Кемері Нечефт. Земля обрабатывается самимъ примитивнымъ способомъ — руками и лопатой; жители не имѣютъ въ употребленіи самыхъ обыкновенныхъ орудій и хозяйственныхъ приспособленій и не имѣютъ для нихъ «своихъ» названій (въ моемъ словарѣ подъ такими словами стоить *«abest»*). Населеніе прежде состояло изъ 400 семействъ, но послѣ страшнаго голода, посѣтившаго Персію въ началѣ семидесятыхъ годовъ, оно значительно сократилось (подать однако взимается старая, по росписи еще Шаха Аббаса I).

1) Ср. Brugsch, I. c., II, 255 и сл.

2) См. Petermann, Reisen im Orient, II, 217.

Такимъ образомъ наши четыре деревни лежатъ почти на одной линіи въ горахъ, составляющихъ продолженія курдистанскаго нагорья.

Не нужно думать, что этими деревнями ограничиваются диалекты кашанской полосы, или что они характерные представители другихъ. Присутствіе именно ихъ въ моихъ материалахъ обязано простой счастливой случайности: крестьяне попались подъ руку и согласились со мною работать, — были случаи, что и отказывались; углубляться же въ деревенскую глушь, если только она не была мнѣ попутная, отъ большихъ центровъ я не могъ по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ и принужденъ быть довольствоваться тѣми пришлыми «туземцами», которыхъ находилъ въ городахъ. Имъ я обязанъ указаніями на другія, окрестныя съ ихъ родиною, селенія, въ которыхъ говорятъ не на ново-персидскомъ языке.

Въ Кохрудѣ мнѣ было указано на слѣдующія селенія: 1) въ сторону Ка-
шана, къ сѣверу: — Раҳакк, Армак, Каллѣ, Нешаиц, Барз; 2) въ сторону
Натаанза, на востокъ: Бод, Маббод, Хилтоббод, Тарк, Келехруд, Даркул,
Су, Бидешк, Абжунѣ, Терѣ, Чимѣ, Ҳаицан, Ҳасанббод, Аббасббод,
Мінбгірд, Мезе, Кеше, Бідхенд, Қасабе, Барз. 3) въ сторону Гульпай-
гана, на западъ: Меимѣ, Қосф, Ҷушегон, Вачгун, Вандбдѣ, Зіјадббод,
Езбин, Ҳусрббод, Муте, Ҳасанраббот. Лушбод, Лайббод.

Работавшій со мной Кешеецъ назвалъ слѣдующія деревни въ окрестности Кеше (нѣкоторыя, отмѣченныя курсивомъ, находятся въ предшествующемъ спискѣ, но иногда съ другимъ произношеніемъ): Баргерун, Тобр, *Меззѣ*, *Тарк*, *Бідхан*, *Текіје*, *Ферізен*, *Чімѣ*, *Вулугірд*, *Іанцен*, *Барз*, *Кунцун*, *Таррэ*, *Абжуне*, *Јерен*.

Житель Зефрэ указалъ на слѣдующіе пункты: 1) по направлению къ Ардестану: Кесбр (2 ф.), Нѣ (2 ф.), Кацг ($4\frac{1}{2}$ ф.), Жюганд (6 ф.), Мбрчүѣ (4 ф.); въ сторону Купа: — Фешбрк (2 ф.), Цабал (4 ф.), Секзѣ (5 ф.), Екленгѣ ($5\frac{1}{2}$ ф.).

Какого рода языкомъ въ частности говорить каждая изъ этихъ деревень, покажеть, можно надѣяться, недалекое будущее; что одни селенія по языку приближаются къ нашимъ, другія удаляются, представляя, можетъ быть, существенную разницу, можно заключить изъ слѣдующаго. Когда я, направляясь въ Исфаганъ, миновалъ Кохрудъ и прибыль на первую почтовую станцію Бідешкъ, то, натолкнувшись на существованіе кохрудскаго діалекта, первымъ дѣломъ спросилъ у станціоннаго смотрителя, говорятъ ли они въ деревни Бидешкъ на кохрудскомъ языке. Онъ сказалъ состривъ: «Зачѣмъ намъ говорить на немъ? Дрянной языкъ¹⁾... мы имѣемъ свой языкъ»... چرا بزفیم گو است — ما زبان از خودمان از داریم. Стало быть, между этими двумя нарѣчіями ошу-

13) Острота понятъе, если мы вспомнимъ, что **Ӧ** произносится какъ **Г**ортанный, и **Ӧ** въ произношениі обыкновенно = **Борѣй** или **Горѣй**.

щается такая разница, вслѣдствіе которой одно можно считать хорошимъ, а другое дурнымъ.

Далѣе, когда я обыкновенно спрашивалъ моихъ крестьянъ, понимаютъ ли они окрестныхъ жителей, иногда ближайшихъ сосѣдей, то они отвѣчали въ такихъ выраженіяхъ: — چنان نیفهم — «не понимаю», — «иного не понимаю», پر نیفهم — «вполнѣ (всего) не понимаю»¹).

Насколько мнѣ извѣстно, діалекты распространяются далеко за предѣлы Кашана къ сѣверу. Ссылаюсь прежде всего на бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Муширэддоула (Яхъя-Ханъ), который увѣрялъ меня, что коренные жители современного города Тегерана (= древняго Рея) до сихъ поръ говорятъ старымъ языкомъ. Я, къ сожалѣнію, не могъ отыскать ни одного Рейца. Отмѣчаю, на основаніи другого источника, селеніе Тацріш, у подножія Шимранскихъ горъ въ 7 верстахъ отъ Тегерана, въ которомъ жители говорятъ непонятно для обыкновенныхъ Персовъ-горожанъ. Вспоминаю, что занимавшійся со мною персидскимъ яз. Шейхъ Мухаммѣдъ Хасанъ неоднократно заявлялъ, что вокругъ Тегерана говорятъ «по деревенски»²) и въ обращикъ приводилъ кемъ — сито, рѣшето (ср. въ словарѣ علک غربال). Лекторъ персидскаго яз. въ Лазаревскомъ Институтѣ въ Москвѣ Мирза Джафаръ (= Теръ-Захаровъ), уроженецъ Мехал-лата (на ю. отъ города Кума) говорилъ мнѣ о діалектѣ на его родинѣ, которымъ онъ самъ владѣлъ въ молодости; обращикомъ приводилъ слово آمگو — «я хочу» (см. стр. 115, в.).

Наконецъ, можно подозрѣвать распространеніе діалектовъ въ области Казвинской. Я владѣю экземпляромъ персидскаго словаря (лит. въ Тавризѣ въ 1260 г. Г.), на поляхъ которого красными чернилами персидскими буквами и персидской рукой написаны діалектическія слова, подъ нѣкоторыми персидскими (въ сложности ихъ довольно много). На первомъ бѣломъ листѣ находится надпись: «Les mots rouges en marge sont en langue achetehardiene petit bourg du district de Casvine»³).

Достойно资料 самаго полнаго вниманія, что на ряду съ туземнымъ арійскимъ населеніемъ Персіи староперсидскій языкъ удержала и семитская горстъ — Евреи; и діалектъ ихъ точно также различными полосами представляетъ особенности и оттѣнки, какіе дали мнѣ возможность ввести дѣленіе моихъ діалектовъ на группы: Евреи изъ Шираза не понимаютъ языка исфаганскаго Еврея, кашанскаго, тегеранскаго и т. д., по признанію самихъ же Евреевъ и по моимъ наблюденіямъ и отрывочному сравненію формъ діалектовъ исфаганскихъ и кашанскихъ Евреевъ. Этимъ языкомъ они всегда говорятъ между собою и называютъ его зебоні

1) Ср. мои «Предварительныя замѣтки о нѣкоторыхъ персидскихъ нарѣчіяхъ». ЗВОИРАО. I, 25.

2) См. ниже, стр. XIII.

3) Слова эти будутъ напечатаны во второй части моихъ «Матеріаловъ». Изъ этого словаря заимствовано сообщеніе мое на стр. 218, прим. 2.

імрані (زبان عمرانی) — «языкъ имранскій». Интересно также, что въ двухъ деревняхъ Исфагана (Седé¹), Газ персидскіе жители называютъ свой языкъ — зеббні ібрі (زبان عبری) — «языкъ еврейскій».

Было бы крайне желательно, чтобы кто либо обратилъ внимание на языкъ персидскихъ Евреевъ, хотя въ такихъ пунктахъ, какъ Ширазъ, Исфаганъ, Кашанъ, Гамаданъ, Казвинъ, Тегеранъ и Демавендъ, гдѣ, по слухамъ, Евреевъ живеть довольно много. Въ послѣднемъ городѣ особенно интересно прослѣдить видоизмѣненіе староперсидскаго яз. съ одной стороны въ мазандеранскомъ нарѣчіи, съ другой — въ діалектѣ мазандеранскихъ Евреевъ. Результаты этихъ наблюденій были бы крайне важны и драгоценны, какъ материалъ для сравненія съ языкомъ горцевъ-Евреевъ Кавказа, который оказывается тоже чисто иранскимъ, персидскимъ, судя по образцамъ, приведеннымъ у Анисимова²).

И такъ, на основаніи всего вышесказаннаго, мы можемъ засвидѣтельствовать, что въ мѣстности, нами обозначенной, составляющей часть Джебаля (جبل) арабскихъ географовъ, до настоящаго времени сохранились діалекты, остатки староперсидскаго языка, о чемъ до сихъ поръ въ частностяхъ было извѣстно очень мало.

Арабскій географъ и путешественникъ X вѣка Мука́ддаси, изъѣзжившій большую часть мусульманскихъ странъ своего времени, обращавшій между прочимъ, какъ оказывается изъ его трудовъ, внимание на языки разныхъ мѣсть, давая ли ихъ общую характеристику произношенія или отмѣчая особенности морфологическая и лексическая, говорить слѣдующее о языкахъ Джебаля: «Языки ихъ (городовъ, жителей) разнообразны. Въ Рей употребляютъ рѣ (ر) и говорять рѣд-ѣ, рѣк-и (راده، راکن). Жители Гамадана говорятъ вѣт-и, вѣтѣ (وَنِم، وَانِو³). Въ Казвинѣ (употребляются) «кѣф» (قاف⁴). Большинство изъ нихъ «новый» называютъ и-и⁵). Языкъ Исфаганцевъ грубый (дикій), въ немъ удлиненіе (растяженіе). И неѣтъ среди языковъ Персии болѣе легкаго для усвоенія (или, болѣе близкаго къ первоисточнику — чистаго, неиспорченаго), чѣмъ языкъ жителей Рей»⁶.

Это извѣстіе Мукаддаси, указаніемъ на котораго я обязанъ Барону В. Р. Розену, несмотря на его краткость, имѣеть для настѣнь первостепенную важность. Стало быть, персидскій языкъ уже въ X вѣкѣ имѣлъ столько существенныхъ

1) См. мои Предварительныя замѣтки . . . 28.

2) Кавказские Евреи-Горцы, стр. 176, въ Сборникѣ материаловъ по этнографіи, издаваемомъ при Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ, III, 171—322.

3) См. стр. 184, в. *لَهْنَ*.

4) Очень можетъ быть, что этими словами Мукаддаси отмѣчаютъ отчественное, арабское произношеніе Кѣф'a, такъ какъ въ языкахъ жителей Самарканда ему пришлось встрѣтить звукъ, средній между є и є (стр. ۲۲۰ изд. de Goeje).

5) См. стр. 116, в. *خَبَ*, *بَ*.

6) L. c., ۲۹۸.

мѣстныхъ разновидностей, что знаменитый путешественникъ счѣлъ нужнымъ отмѣтить особенности ихъ по большимъ городамъ. И такому приему нельзя не удивляться: самое точное, детальное указаніе безъ общаго малоговорящаго термина «пехлеви», хотя область Джебаль и входитъ въ составъ «странъ пехлевийскихъ»¹).

Brugsch³⁾ констатирует фактъ, что жители деревни Гилі³⁾ (близъ Султанабада) говорять съ діалектическими уклоненіями отъ обыкновенного персидскаго языка. Онъ же встрѣтилъ діалектъ въ селеніи Кёшкѣ⁴⁾ въ 14 фарсахъ отъ Тегерана къ Гамадану, который содержитъ въ себѣ много остатковъ старого языка.

Приближаясь собственно къ нашей кашанской полосѣ, мы имѣемъ слѣдующее показаніе Dr. Polak'a⁵): «Въ нѣкоторыхъ областяхъ сохранился «пехлеви», почти еще не тронутый арабскимъ яз., — такъ въ Мазандеранѣ, Тальшѣ, Натензѣ (горы у Кашана). Основательное изученіе этихъ діалектовъ дало много лингвистическихъ разъясненій. Слѣдующія слова я привожу какъ обращѣнія діалекта Натаанза⁶): *дочь* — *duta*; *мальчикъ* — *riga*; *мать* — *shupe*; *дерево* — *bena*; *женщина* — *jena*; *вода* — *au*; *ступай* — *bæsche*; *мясо* — *guscht*; *домъ* — *kie*; *дворъ* — *haste*; *курица* — *kærge*; *земля* — *zemip*; *солнце* — *auftau*;

1) Ср. Ибнъ-Хордадбэ, Barbier de Meynard, *Le livre des routes et des provinces* (Journ. As. ⁶ V, 58, 278).

2) 1. c., II, 16.

3) Чириковъ, I. с., 178, 180.

4) I. с., I, 387. Чирковъ, 188 — Кёшкёкъ.

5) Persien. Das Land und seine Bewohner. I, 265.

6) Я оставляю транскрипцію Polak's.

день — ruzar; ночь — schiè; камень — kemer; старый — pira, иза — wid; я имъез — darimè; я спал — behuzimè; мышь — musch; собака — ispe (по славянски res); кошка — muldschin; большой — gurd; малый — wischutsch; теперь — hæt; бровь — merud; лице — dim; щека — buk; шерсть — poime; сад — gaz; оттер — wad; моча — tschur (похоже на славянское»).

Насколько этот «пехлеви» нетронутъ арабскимъ яз., лучше всего видно изъ нашего словаря.

Наконецъ Houtum-Schindler, генералъ персидской службы, ревностный и разносторонній изслѣдователь современаго Ирана, говоря въ упомянутомъ выше трудѣ о діалектѣ деревни Сб¹), лежащей между Исфаганомъ и Кашаномъ, замѣчаетъ: «Этимъ діалектомъ говоритьъ болѣе 500 семействъ въ лежащихъ вокругъ Сб деревняхъ. Въ Натаанѣ, немного восточнѣе Сб, онъ употребляется мало». Послѣднему нѣсколько противорѣчить то обстоятельство, что коренной житель Натаанза, съ которымъ мнѣ пришлось имѣть дѣло, зналъ этотъ діалектъ; онъ же утверждалъ (и я слышалъ отъ другихъ), что восточнѣе Натаанза діалектъ распространенъ. Приводимая Schindler'омъ цифра — 500 семействъ — слишкомъ мала, такъ какъ одна Сб, по словамъ Brugsch'a (I. с. II, 253), состоитъ изъ 250 семействъ.

Такимъ образомъ въ частности о нашихъ деревняхъ съ ихъ діалектами ничего не было извѣстно. Всѣ поселенія, вѣроятно, не особенно стари: ихъ именъ мнѣ не удалось найти у болѣе извѣстныхъ арабскихъ и персидскихъ географовъ²). Такоже мало пришлось узнать отъ самыхъ жителей обѣ исторіи ихъ деревень, на основаніи существующихъ у нихъ преданій. Только Кешеецъ сообщилъ мнѣ, что предки его односельчанъ три поколѣнія тому назадъ были еще Гебрами. Это извѣстіе получаетъ въ нашихъ глазахъ еще большее значеніе, если его сопоставить съ тѣмъ, что и мѣстность на половинѣ дороги между Кохрудомъ и Кашаномъ, когда, переваливъ черезъ кохрудскія горы, спускаешься въ кашанскую долину, съ поселеніемъ, теперь состоящимъ изъ одного караван-серая временъ Шаха Аббаса II, до сихъ поръ называется Гебръ-абадъ — т. е. мѣсто, заселенное (или культивированное) Гебрами³).

Стало быть, пространство отъ кохрудскихъ горъ до горъ Натаанза когда то, и, можетъ быть, не очень давно, было заселено Парсами-огнепоклонниками; этимъ какъ нельзя лучше объясняется совпаденіе въ морфологическихъ и лексическихъ частностяхъ нарѣчія Кеше съ діалектомъ Парсовъ Езда и Кирмана, какъ это выяснится въ обзорѣ грамматическихъ формъ.

1) Деревня эта Персами называется различно; мнѣ пришлось слышать: Со, Су, Соу, Сов; въ письмѣ 42.

2) У Якута, IV, 277,14 упоминается Кешшъ (كَشْ) — деревня изъ деревень Исфагана, но я не увѣренъ, чтобы она соотвѣтствовала именно Кешѣ.

3) Ср. Brugsch, I. с., II, 259.